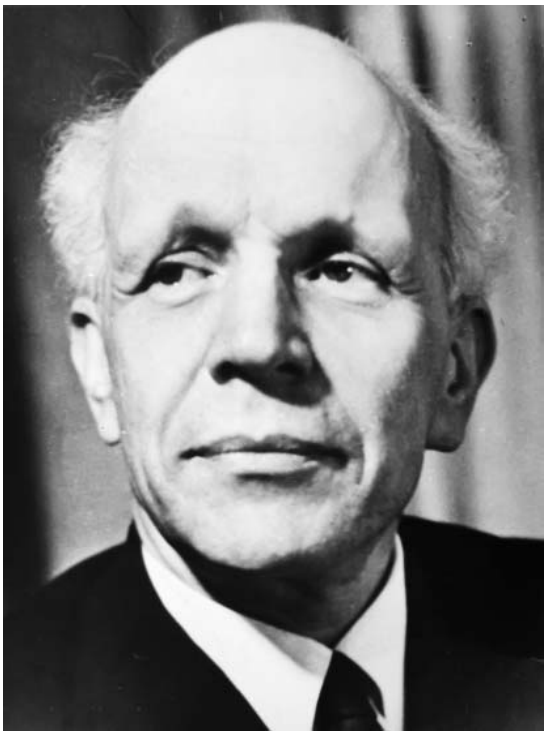
Павел Александрович Вульфиус
(1908–1977)



В 1930 году окончил Высшие курсы искусств при Институте истории искусств по журнально-критическому уклону. В 1927–1930 годах сотрудник журнала «Жизнь искусства». В 1930–1937 годах — член Общества друзей камерной музыки, автор передач для музыкального радиовещания. Выступал как лектор. В 1936–1938 годах и с 1956-го — преподаватель Ленинградской консерватории, в 1962–1968 годах — заведующий кафедрой истории музыки, с 1967 года — профессор.

Канд. дисс.: Франц Шуберт и его песни (1937).

Книги: Гуго Вольф и его «Стихотворения Эйхендорфа». К проблеме романтизма и реализма в музыке XIX века. — М.: Музыка, 1970.

Классические и романтические тенденции в творчестве Шуберта: На материале инструментальных ансамблей. — М.: Музыка, 1974.

Музыкальная культура Вены и Франц Шуберт. Песни. Камерно-инструментальные ансамбли Шуберта // Музыка Австрии и Германии XIX века. Кн. 1. — М.: Музыка, 1975. — С. 36–215.

Русская мысль о музыкальном фольклоре: Материалы и документы / Вступ. статья, сост., коммент. П. А. Вульфиуса; предисл. Е. М. Орловой; общ. ред. О. И. Соколовой. — М., 1979.

Статьи. Воспоминания. Публицистика / Сост., ред. и примеч. В. Лапина и И. Федосеева. — Л.: Музыка, 1980.

Франц Шуберт. Очерки жизни и творчества / Под ред. Е. М. Орловой. — М.: Музыка, 1983.

Виктор ЛАПИН

П. А. Вульфиус — историк

Известна замечательная мысль Б. Н. Путилова о том, что историку традиционной народной культуры необходимо знать гораздо больше, чем может предложить ему в данный момент наука.

Эта загадочная формулировка одного из самых авторитетных отечественных фольклористов последней четверти прошлого столетия долго (если не постоянно) тревожила меня, ученика Павла Александровича Вульфиуса, поскольку практически все мои научные интересы так или иначе связаны с историей русской музыкальной культуры в широком смысле. И только сейчас, занимаясь материалами к юбилейному сборнику я, кажется, начинаю кое-что понимать в этой загадке.

Исходные рассуждения могут показаться весьма простыми и, вероятно, общеизвестными. По моему представлению, основанному как на собственном опыте, так и на обдумывании научно-творческого пути П. А. Вульфиуса, историк должен руководствоваться тремя отправными позициями (они же — цели и задачи исследования):

1) подробное *детально-аналитическое* представление об избранном материале или объекте исследования;

2) столь же детализированное и многомерное видение объекта в *ближайшем стилевом контексте* (в творчестве композитора или в локальной фольклорной традиции);

3) целостное видение предмета исследования в *максимально широком культурно-историческом контексте* (стиль эпохи и межжанровые связи, историческая эволюция и перспективы развития жанра, региональный и, в пределе, общенациональный контекст фольклорной традиции и т. д.).

Отсюда следует, что ремесло историка музыкальной культуры должно быть, прежде всего, *универсальным*. Иначе говоря, историк — это и источниковед, и аналитик, и концептуалист. Именно таким историком-универсалом и был П. А. Вульфиус.

Однако все перечисленное вовсе не означает именно такой последовательности в работе. Тут многое зависит от опыта, общей культуры и кругозора исследователя. Вот что писал по этому поводу Павел Александрович в своих «Автобиографических заметках» (1977 года):

«Осенью 1933 года открылась аспирантура при Государственной академии искусствоведения <...>. Моим руководителем вновь оказался Р. И. Грубер, у которого я кончал в свое время Курсы (1930 г[од]).

С первых же занятий определилась тема, связанная с историей австро-немецкой песни. *Первоначально предполагалось, что диссертация будет посвящена Г. Вольфу. Однако в процессе работы (а начал я ее с изучения вокально-инструментального наследия Баха) проявилась насущная необходимость решить*

до Вольфа проблему песенного творчества Шуберта. Так я пришел к основной теме моей научной деятельности, которую, в сущности, не исчерпал и до сего дня, поскольку продолжаю работать над уже завершенной монографией[1] об этом удивительном композиторе».

В таком выборе темы и определении проблематики диссертационного исследования очевидна роль учителя Павла Александровича — крупнейшего отечественного историка всеобщей музыкальной культуры Р. И. Грубера. Но ведь и ученик давал для этого основания. Дом профессора-историка А. Г. Вульфиуса, три языка домашнего общения, классическое гимназическое образование в лучшей в Петербурге Петришуле[2] (при лютеранской церкви Петра и Павла), фундаментальная историко-гуманитарная и искусствоведческая библиотека отца на всех европейских языках и, наконец, Высшие курсы искусствоведения университетского типа при Российском институте истории искусств (РИИИ), на которых преподавали ведущие искусствоведы и историки искусств тогдашнего Петербурга–Ленинграда. Остается добавить, конечно, неукротимый дух и тягу музыковеда-историка, которую не могли истребить 18 лет тюрем, лагерей, ссылок и каторги сталинского ГУЛАГа[3], которые прошел П. А. Вульфиус до своего возвращения в 1956 году в Ленинград и в Ленинградскую консерваторию.

Начав со скромной должности лаборанта и читая курс русского фольклора, затем курсы истории зарубежной, русской и советской музыки, Павел Александрович всегда оставался, прежде всего, историком музыкальной культуры. Он по каждому курсу оставил свой заметный и весомый вклад историка-универсала. (Это хорошо видно по темам многочисленных и весьма разнообразных дипломных работ, которыми руководил П. А. Вульфиус).

Но вернусь к загадке, с которой начал. Как-то осенью, еще во времена своей фольклористической юности, я встретил Б. Н. Путилова и в ответ на его вопрос посетовал, что в этом году у меня еще ничего не вышло из публикаций. Он успокаивающе отреагировал, потом подумал и сказал, что далеко не все и не всегда в фольклоре нужно и можно объяснить *причинно-следственными связями*, всегда и неизбежно должна оставаться некая *загадка, тайна фольклорного творчества*. (Он имел в виду одну из моих ранних статей о бытовании русских песен у вепсов, которая входила в состав сборника, отданного ему на рецензирование. Статья была написана по теме дипломной работы, которую я защищал под руководством П. А. Вульфиуса).

Я вспомнил об этой реплике сейчас, вновь просматривая заметку Павла Александровича «От автора» в его монографии о Шуберте. Позволю себе привести несколько довольно пространных цитат из этих страничек, написанных Вульфиусом после завершения всей монографии:

«Творчество каждого большого художника представляет собой загадку со многими неизвестными. И разгадать ее до конца искусствоведению не дано. И не только потому, что ученые в этой области не владеют столь совершенными методами исследования, как это имеет место в точных науках, но в значительной степени и потому, что предмет искусствоведения — художественные произведения — образуют необычайно сложную систему соотношения объективных и субъективных факторов, сопротивляющуюся ее расчленению на слагаемые, а, следовательно, быть проверенному во всех деталях научному обоснованию. Для постижения художественного замысла недостаточно “разъять гармонию как труп”, как это пытался сделать пушкинский Сальери, надо суметь уловить его (замысла) душу, а это значит постараться приблизиться к тому целостному воспроизведению явлений окружающего мира, которое составляет существо образного мышления, отличительную особенность искусства.

<…> Сохранить в критическом отклике некую долю образной наглядности представляется не только желательным, но и обязательным. Именно это имел в виду Б. В. Асафьев, когда рекомендовал не столько *доказывать* отстаиваемые музыковедом положения, сколько *убеждать читателя* в их правомочности.

<…> Вдумчивые, одаренные искусствоведы оставляют след, который далеко не во всем перекрывается последующими изысканиями. Уточняются факты, растет технологическая оснащенность, множатся ракурсы рассмотрения предмета исследования, но остаются неповторимые черты одухотворенности, творческого своеобразия, обусловленные индивидуальными задатками, *личностью критика или ученого*»[4].

[1] Как известно, монография была опубликована в 1983 году благодаря, прежде всего, бескорыстной и подвижнической работе другого нашего юбиляра, Е. М. Орловой.

[2] Петришуле — St. Petri-Schule — школа Св. Петра, Главное немецкое училище или бывшая средняя школа № 222 Центрального р-на Санкт-Петербурга.

[3] ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения — подразделение НКВД (МВД) СССР, осуществлявшее руководство системой исправительно-трудовых лагерей в 1934–1960 годах, важнейший орган системы политических репрессий СССР.

[4] ***Вульфиус П. А.*** Франц Шуберт. Очерки жизни и творчества / Под ред. Е. М. Орловой. — М.: Музыка, 1983.